

Юлия Крынская

**(НЕ)ЧАЯННАЯ
ДОЧЬ
ДЛЯ МАГНАТА**

RUGRAM

Москва
2023

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84(2Рос-Рус)
К85

Крынская, Ю.

К85 (Не)Чаянная дочь для магната / Ю. Крынская. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 322 с. — (Пять
дочерей футболиста Горина).

ISBN 978-5-521-91439-5

Шесть лет назад футболист Фрол Горин, истекая кровью, ворвался в мою жизнь сам, а теперь притащился с покалеченной обезьяной. Он подарил мне пять волшебных ночей, став моим первым мужчиной, и уехал за границу. Мобильники, интернет сделали планету крошечной. Но мы всё равно потерялись. Он не писал, а я — птица гордая! Теперь у меня есть солнышко — Маруся, а у него одни скандалы в соцсетях и жёлтой прессе.

BIC FA
BISAC FIC027000

ISBN 978-5-521-91439-5

© Юлия Крынская, текст 2023
© Дарья Воинкова, обложка, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Глава 1

Санкт-Петербург

Декабрь 2021

Рита

Стекло с громким звоном разбивается о кафедру. Я лечу с узкого дивана и больно втыкаюсь копчиком в пол. Чертыхаясь, поднимаюсь и ковыляю к двери. Кого там леший посреди ночи принёс?! После внеплановых суток дежурства на ногах еле стою.

— Мамочка, не уходи! — хнычет Маруся, разворачивая меня на полпути.

Час дочке сказки рассказывала! Разбудили гады!

Из коридора доносятся мужские голоса и Люськины крики.

— Витрину разнесли! Она денег стоит!

— Мы всё возместим, барышня! — слышится громкий бас и следом хруст стекла под ногами. — Моцарт, не буянь! Лапы порежешь.

Вроде не пьяные. Я возвращаюсь к дочке и старенький диван скрипит подо мной. Вот бы снова вытянуться возле тёплого тельца Маруси и вырубиться до утра. Я убираю упавшие ей на лицо густые тёмно-русые пряди и улыбаюсь:

— Солнышко, там, похоже, большую собачку привели. Твоя мама ведь доктор Айболит, — я поправляю на плечах большую не по размеру хирургическую робу Никиты. — А ты закрывай глазки и подумай, что хочешь на Новый год. Остался всего месяц, а ты дедушке Морозу так письмо и не написала.

— А вот и написала!

Когда Маруся так склоняет голову набок и хитро прищуривает глаза, она напоминает мне Фрола. Он часто мелькает в различных ток-шоу по телевизору и кажется мне небожителем.

— Бахилы наденьте и маски! — командует в коридоре Люська.

— Так вы подержите тогда его!

— Ага, сейчас! Чтобы он меня сожрал!

За Люську я спокойна. Она одна может спокойно скрутить в бараний рог слона средних размеров.

— Что же ты загадала, Маруськин? — в голове включается калькулятор.

— Обезьянку, — дочка хихикает и, растягивая слова, добавляет: — Живую! И для тебя кое-что попросила. Я не единичница.

— Не одиноличница, — машинально поправляю я Марусю.

— Рита Сергеевна! — в кабинет заглядывает Люська в съехавшем на затылок голубом колпаке и тараторит: — Там два очешуительных мужика орангутана раненного притащили. Он у них из рук рванулся и витрину раскокал. Но эти орлы тоже не лыком шиты... Быстро его скрутили.

— Вот тебе и обезьянка! — бормочу я и выдыхаю: — А ведь ещё даже не Новый год.

— Скоро там доктор? — раздаётся уже поднадоевший мне бас.

— Так следующий вроде год Тигра, — брякает Люська и, оглянувшись, рыкает почище зверя: — Тихо мне там.

— Марусь, с тобой Люся побудет, постарайся уснуть! — я посылаю дочке воздушный поцелуй. — Чтобы Дедушке Морозу твоё письмо быстрее прилетело.

Маруся с готовностью бухается на подушку, и закрывает глаза. Серые, как у меня. Хоть что-то от меня ей досталось.

Я надеваю маску, стягиваю с вешалки шапочку и тяну на себя дверь. В масочном режиме есть жирный плюс — с макияжем можно не заморачиваться.

В нос бьёт запах лекарств из разбитых флаконов. Необычное трио восседает посреди разгромленной приёмной на рыжем диванчике. С одного края развалился белобрысый бугай в кожаных штанах и куртке. Закинув ногу на ногу, он подпрыгивает носком здоровенного чёрного кроссовка с красной «галкой». С другого края орангутан сидит у второго мужчины на коленях, уткнувшись ему в плечо, и тихо подвывает. Под рыжей шерстью на лопатке запеклась кровь. Небрежно наложенные повязки съехали. Мужчина одной рукой обнимает обезьяну, а второй листает в телефоне ленту.

— Ну наконец-то! — он режет по мне взглядом синих глаз и склоняет голову набок. Мужчина осторожно убирает руку с обезьянней спины, и, убедившись, что орангутан сидит устойчиво, размашисто убирает со лба чёрный чуб. Приглаживает волосы на затылке и снова запускает узловатые пальцы в тёмно-рыжую шерсть животного.

Дыхание обрывается. Я шагаю к ближайшему окну и распахиваю его, хватая ртом под маской воздух. Зажмуриваюсь, прогоняя наваждение. Пот проступает между лопаток. Сердце отбивает чечётку. Шесть лет назад Фрол Горин с огнестрельной раной плеча ворвался в мою жизнь сам, а сегодня притащился с покалеченной обезьяной. Он подарил мне три волшебных ночи, став моим первым мужчиной, и уехал. Мне не за что его ненавидеть, но и встречаться с ним не входит в мои планы. Фрол обещал устроиться в Италии и написать. Мобильники, Интернет, соцсети сделали планету крошечной. Но мы всё равно потерялись. Заграничный контракт для футболиста — дело хлопотное. Фрол не писал, а я — птица гордая! Теперь у меня есть нена-

глядное солнышко — Маруся, а у него одни скандалы в интернете и жёлтой прессе.

В подмёрзших лужах отражается красными огоньками яркая вывеска «Цирковой госпиталь». Ещё у меня есть любимая работа!

— Пройдёте в смотровую, — я поворачиваюсь к посетителям, стараясь сосредоточить взгляд на обезьяне. — Или парень буйный?

— Сейчас буйный, — кивает Фрол, нагло разглядывая меня. — А так Мо — чистый ангел.

— Премедикацию нормально переносит? Делали раньше?

— Делали, — встречается в разговор второй мужчина.

Он достаёт из кармана кожаной куртки сложенные пополам бумаги и протягивает мне. То, что мужчина не удосужился встать, я списываю на его нежелание беспокоить обезьяну. Я подхожу к ним, аккуратно ступая среди осколков. У Моцарта оказывается весьма пухлая ветеринарная история. Весит детинушка восемьдесят килограмм и топчет землю уже девять лет.

— Я не встречал вас раньше? — Фрол ссаживает Моцарта с колен и, поднявшись с дивана, горой мышц, проступающих под тонким свитером, нависает надо мной.

Красивый гад! С годами стал только лучше. Фрол обнажает белоснежные зубы в обворожительной улыбке, любезно ожидая моего ответа. В памяти всплывает завтрашний поход к стоматологу, грозящий ударить по моему скромному бюджету.

— Нет! — я изучаю свои красные мокасины, пряча глаза.

Прищуренный взгляд из-под чёрных ресниц вновь скользит по мне. Мне всё больше нравится масочный режим.

— Нет! — повторяю я и, повернувшись к Фролу спиной, дезертирую в смотровую.

Тщательно, будто хочу содрать кожу, мою руки с антисептиком. Какое тепло идёт от Фрола! Его дыхание с арома-

том мяты перебило в момент все другие запахи. Я набираю в шприц препарат и возвращаюсь в коридор. Моцарт уже сидит на коленях у друга Фрола, а он сам, облокотившись на стойку регистрации, переписывается в телефоне.

Игла легко входит в плечо, Моцарт даже не морщится. Из кабинета со шваброй и совком выходит Люська:

— Уснула вроде. До чего девушка славная растёт!

Я испуганно смотрю на Фрола и на экран его телефона. Он рассматривает фото двух девиц в бикини. Нет, такой папа нам не нужен. Да и мы с Марусей ему тоже не сдались.

— Жду вас через пять минут! — На дрожащих ногах я иду к дверям операционной.

— И всё-таки я вас где-то видел, — раздаётся мне вслед, — и я вспомню где...

* * *

Фрол

Борзянки объелась! Выставила меня из кабинета, как судья на скамейку запасных! В затылок я ей дышу видите ли! А Коляна оставила. Непонятно в чём душа держится, а гонора хоть отбавляй... Опачки! Похоже, свет рубанули.

— Как вы тут? — просовываю голову в дверь.

Зрелище то ещё благодаря подсветке телефонного фонарика Коляна. Над бедолагой Мо, будто два инопланетянина склонились.

— Я же просила не входить! — вскидывается докторица. Луч фонаря, надетого поверх её шапочки, бьёт мне по глазам. Закрываю их ладонью.

— Всё в порядке! Старый фонд. Мы уже привыкли работать в условиях шахты, — оборачивается девица, чуть не отхреначившая нас шваброй за разбитую витрину. Теперь её светильник лупит мне в лицо. Что за лампы у них там стоят?

— Люська, сюда свети! — одёргивает её маленькая вредина.

Чёртов масочный режим! Одни глазюки, и те прячет. Ну и ладно! Что ж тут так воняет? А! Мы какую-то гремучую смесь кокнули. Толкаюсь в другую дверь. Здесь хоть есть чем дышать, но темно. Окна во двор что ли? Включаю фонарик. Два письменных стола с мониторами и лотками для бумаг, стеклянные шкафчики с лекарствами, диван со сбитым в кучу одеялом. Завалился бы спать с удовольствием. Вторую ночь не спать уже силы не те. Хоть посижу с закрытыми глазами. Плюхаюсь на диван. Скрипит, будто на нём... Танцевали. Кладу голову на спинку и вздрагиваю от шороха под боком.

— Ты кто? Дед Мороз? — из-под одеяла выбирается девчушка лет пяти и смотрит на меня с неподдельным удивлением.

— Д-да, — неуверенно выдавливаю из себя.

Лучше побуду немного Дедом Морозом, чем напугаю такую кроху. Я вообще не умею разговаривать с детьми, пока Бог миловал от потомства. Правда некоторые настырные особы пытаются меня обвинить в отцовстве. Не далее, как на той неделе вписался в ток-шоу «Тест на ДНК». Мадам одна, потусила у меня пару лет назад с месяцок, а теперь ребёнка на меня повесить решила. Ха. Сейчас.

— А я думала ты с белой бородой и в красной шубе, — девчонка выбирается из-под одеяла и подползает ко мне. — А ты в свитере и с чёрными щетинками. Молодой какой-то.

— Свитер красный у меня, — неожиданно для себя, включаюсь я в игру.

Она тёплой ладошкой касается моей щеки и улыбается:

— Колючий, как ёж. А я тебе письмо написала. Боялась, что опоздала. Витька с Анфисой месяц назад отправили... Только ты что-то рано.

В свете телефонного фонарика девочку не рассмотреть, но отчего-то мне очень этого хочется. А ещё мне тоже очень хочется к ней прикоснуться. Погладить, как котёнка.

— Я письмо твоё не получил, вот решил сам приехать, — продолжаю я лепить горбатого.

Раздаётся щелчок, и на столе вспыхивает мягким светом настольная лампа.

— Я обезьяну хочу, — понизив голос заговорщицки шепчет девочка. — Живую!

Расплываюсь в улыбке, как чеширский кот.

— Этого добра у меня хоть отбавляй. Хочешь покажу?

— Как покажешь? — недоверчиво смотрит на меня малышка. Её серые глаза с опушкой из длинных чёрных ресниц удивлённо распахиваются. — Они же в Африке!

— В телефоне пока.

— Хочу! — она выбирается из-под одеяла и подползает ко мне ближе. Тёмно-русая прядь волос падает ей на лицо, и я протягиваю руку, чтобы заправить непослушный локон за ухо.

— А ты правда подаришь мне обезьяну? — останавливается малышка на полпути и склоняет голову набок.

— Честное дедоморозовское, — со мной творится что-то невероятное. Одним взглядом, вот этим с поворотом головы, малышка окончательно пленила меня.

— Я стихи знаю. Если надо сейчас расскажу.

Подхватываю малышку и усаживаю к себе на колени. Горин, что с тобой? Ещё расплачься от умиления и здрастье старость! Тёплое тельце под хлопковой пижамой с котятками доверчиво жмётся ко мне. Я беру в ладонь крошечную пятку.

— Чего ноги-то холодные такие?

— А у меня всегда холодные, — малышка устраивается у меня поудобнее на коленях. — Но вообще я не мерзлявая.

— Мерзлявая, — улыбка теперь никогда не сползёт с моего лица что ли? — Где ты слово-то такое выкопала?

— Люська так говорит, — малышка заглядывает мне в глаза. — Читать стихи?

— Читай, — киваю я. — Только давай мне в ладонь вторую пятку. Погрею.

Малышка сует мне в руку вторую ледышку и кашляет в кулачок.

— Не мерзлявая, а кашляешь, — я выпускаю пятки из ладони и натягиваю одеяло малышке на ноги. — Вот так теплее будет.

— А может сначала обезьян покажешь? — хитро прищуривается она.

— Уговорила, — снимаю блок с экрана телефона и быстро смахиваю картинку заставки. Она не для детских глаз. Нахожу фотки из своего питомника и показываю малышке:

— Вот это Моцарт, он большой и сильный орангутан, а это Джоанна — его подружка.

— Такие огромные! — у малышки загораются от восторга глаза, но она тут же вздыхает. — Мне мама таких не разрешит. Она собаку-то не разрешает. Говорит квартира маленькая.

Я обнимаю её и листаю дальше.

— Не расстраивайся, есть и поменьше обезьянки. Вот это шимпанзе Мики.

— Как она одета смешно, — звонко смеётся малышка. — И кушает из тарелки!

— Да, но она жуткая хулиганка. А вот это макаки, жуткие ворюги. Тащат всё, что не приколочено.

— А у нас и воровать нечего, — пожимает плечами малышка и снова поднимает на меня глазки. — Хочу всех, дедушка.

Снова недоверчиво смотрит на меня и добавляет:

— Какой-то ты всё-таки не дедушка совсем.